

Маленькая комната /

продолжение

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Маленькая комната / продолжение * * *

– Кто-то умер? Почему такое лицо? Вика? – Анна Николаевна открывает дверь ключом. Сегодня я первая. Сама попросилась, чтобы не идти в темноте обратно. Неделя шли дожди, и дорога через пустырь размокла и растеклась. Говорят, что будут строить крытую парковку или торговый центр, но не верю. Есть «Орбита», зачем ещё.

– Почему?

– А кто тебя знает. Не хмурься, морщинки будут.

Не будет никаких морщин. И у мамы только недавно появились – не смотрела раньше, не обращала внимания, а теперь заметила. И тушь она мою взяла, чёрную, и карандаш для глаз. В следующие выходные пойдем за платьем ей на весну, за всем красивым. Не знаю, зачем это, но поменялось что-то в неё, передумалось. Купим белое или яркое красивое, в тонких цветах всё, в вышивках, или любое модное, какое захочет. Даже спросила у меня – Вика, а какие девочки в школе носят?

А и не носит никто. Джинсовые юбки, джинсы опять же. А платье – только короткие, на праздники или совсем в жаркое время, в июле, когда тополя облетают и липнет к ногам несожжённый пух.

– Что-то трудно открывается. Конечно, две недели никого не было, – бормочет она.

Это про меня. Это я две недели не была.

На Анне Николаевне голубая атласная блузка.

Мам, в таких девочки точно не ходят.

Нет.

– А Нина тоже не ходила?

– Её родители на дачу повезли. Что там делать девочке, на даче. Ладно бы я – тоже езжу, иногда, там нарциссы сейчас, тюльпаны скоро... Цветочки хорошо растут, земля сырая,

болотистая... У тебя-то дача есть?

Она открывает дверь, и мы заходим.

– Нет.

– Как нет? У тебя родители где, на «Северстали»? Вроде же всем давали участки. Плохонькие, от завода, но...

– Нет, не на «Северстали».

Разве я не говорила?

Хожу почти год – и не говорила, а она не спрашивала? Думала, что родители другой жизни захотели – хоть моими глазами посмотреть на тех, что на сцене в чистеньких красивых платьях стоит, на Москву.

А они и сами видели.

Папа в Питере учился.

И мама в школе всюду ездила.

Всё хочу сказать Анне Николаевне, что и я не такая.

– Не знала, – качает головой, – вроде кого ни спросишь – все... Деньги-то на вокал не у всех есть.

Папа пока даёт. Сам предложил. Самому важно.

Она молчит долго, потому поднимает крышку фортепиано. Играет ми-мажорное трезвучие, морщится. Вижу, как пудра сделала их заметнее, глубже.

– Говорят – готовь к конкурсам, на область готовь... Глинку с ними учи. А у самих денег пианино настроить нет. Слышишь?

Слышу.

– И ты тоже молчишь. Ты же платишь за занятия музыкалке, ну так скажи – вызовите настройщика, не так и дорого; а я не могу под расстроенный инструмент петь. Что не скажешь?

Молчу.

Хочу сказать – а папа изменяет маме с ученицей, одиннадцатиклассницей, моей ровесницей.

*

Нашла её профиль. Вместо фотографии на аватарке – актриса или модель, взрослая, с алыми губами.

Алина Гурьянова

Без тебя меня нет

День рождения: 11 марта 1990 года

Город: Череповец

Место учёбы: школа №

Ищу фотографии, но нет ни одной, только комиксы. Добавлены две песни «Короля и шута». Ничего больше. Могу добавить в друзья, но не добавляю, конечно – стыдно, будто себяставляю напоказ. И что она подумает, увидев фамилию, цвет волос, выражение лица (бабушка сказала, едва только меня маленькую в кроватке увидела – вылитый отец, только усов не хватает, ничегошеньки от мамы не взяла)?

Теперь постоянно думаю – как получилось так, что ничего не замечали с мамой, не обращали внимания, что папа задерживается после уроков, будто внеклассной работой занимается, археологический кружок ведёт. А какой археологический кружок, когда вокруг школы его пустырь, и долгострой, и «Магнит», и высохшие лужи? В детстве искали в таких разный мусор, вытирали о траву, играли, менялись. А теперь-то что искать?

Он вёл у них уроки с восьмого класса, проверял тетради, про Наполеона рассказывал и много про что ещё, а она влюбилась.

И ведь тоже молчали все.

– Вы будете разводиться? – спрашиваю маму. Папа теперь уходит рано-рано, чтобы на кухне не встречаться.

– С чего ты взяла?

Мама застегивает туфли.

– Не знаю. У Веры родители развелись.

– Развелись и развелись. Вера-то с кем осталась?

– С мамой, – удивляюсь, – к отцу в гости ходит, иногда. Он новую мебель на кухню купил, диван кожаный. Она меня позвала однажды, мы сидели.

Мама выпрямляется, рассматривает себя в зеркало.

– Мама, – говорю, – у тебя губы голубые.

Она кивает и ищет косметичку – а потом проводит яркой помадой прямо по голубым губам, перекрывая, замазывая, закрывая.

– Хорошо, что зовёт в гости. А то могло быть – новая семья, новая мебель, и ничего дочке у него делать. Могли бы в парк ходить по субботам, ничего больше.

– Ты что, она же не маленькая. Она как я.

– А я помню, – мама идёт к входной двери, – как вы в первый класс вместе ходили. Она маленькая, а ты выше на голову. Смешно даже. Ладно, пойду, а то опоздаю. Тоже собирайся. Понимаю, что одиннадцатый, но всё равно. ЕГЭ остаётся.

– Да ну, – отмахиваюсь.

Тройку натянут.

Обещали.

И на алгебру хожу поэтому, мелькаю перед глазами – хотя и знаю, что проверять будет не наша математичка, а кто-то другой, незнакомый.

Говорят, даже, что проверять будет машина, но не верю.

Где машине разобраться?

Одеваюсь наспех и бегу в школу – на улице пусто, на работу ушли давно, а Вера курит где-нибудь, а меня с собой не зовёт. Это из-за Никиты – может быть, и ещё из-за чего.

Потому что подумалось недавно, что уйдём скоро обе – всего ничего до выпускного осталось, скорее бы отделаться (так Крыса любит повторять) – и Никита уйдёт, и никогда не увидим больше. Он-то как раз физику любит, олимпиадник. И наверняка поедет в другой город поступать – в Ярославль, в Питер или в даже в Москву.

В Москву?

Чувствую, как странно становится, как в горле комочек проглотить хочется, но не выходит.

Если с Никитой случайно встречусь там, в Москве – будет ли это означать, что предала Веру, обманула?

И не зря курить не зовёт. Поделом.

Бегу, по лестнице поднимаюсь, останавливаюсь у гардероба, чтобы сдать джинсовку – а многие, смотрю, просто в блузках и футболках пришли – и хочу бежать дальше, на второй этаж. Надо ещё расписание посмотреть, а то не помню.

Немецкий или алгебра?

Немецкий или алгебра?

У раздевалки Бубля стоит.

Здравствуйтесь бормочу и хочу мимо бежать, но она ловит за локоть, разворачивает к себе.

– В-вика, – говорит. Я спокойно стою, но Бубля руку не

убирает. Странно со стороны – как будто бы меня поймали. Ногти у неё короткие, шершавые. – П-поговорить. По-по-поговорим у меня в кабинете, хорошо? Нет пп-первого урока.

У меня есть, хочу ответить. Только не помню какой. А если спросить – разорётся. Дескать, как же вы расписание смотрите, а я составляю, сижу как проклятая, и после уроков, и в квартире.

Отчего-то представляю её квартиру – вымытые полы пахнут порошком, а цветы – чёрной землей. Бубля, наверное, когда-нибудь станет бабкой из Валиного подъезда – с пятнистыми традесканциями на подоконниках, плетёными половичками и «все вы неблагодарные».

Но пока ей всего-навсего сорок пять или пятьдесят, на ней светлый пиджак с подплечниками и юбка в тон – и пахнет не старушечьей неприкаянностью, а духами из каталога «Эйвон».

– П-пойдём, – и слюна летит в лицо, но отворачиваюсь. Сейчас ещё из класса кто увидит.

В кабинете Бубли тихо и душно, и смотрит со шкафа чучело глухаря зелёными стеклянными глазами.

– Э-то ерунда, к-конечно, – говорит Бубля, отчего-то не садится за стол, от меня не отходит, – ты это легко объяснишь, я уверена. У нас было соб-брание класса, и т-вои родители не пришли. Я п-понимаю – папа занят, у него самого дети... А мама? Р-разве она работает? Я её видела д-днём в магазине. П-почему бы её не прийти? И когда я з-звонила... она сказала, что не может никуда ходить. Э-то вроде бы и ничего, но б-больно не похоже – у вас же такая семья хор-рошая... Вика, что у вас случилось?

Вытираю щеку ладонью.

Глупо как.

Что у нас случилось.

С-случилось.

Почему грустно, точно стою на мосту – маленькая, несоразмерная всему, что кругом – чёрной реке со вскрывающими льдинами, мосту с горящим фонарём, кранам завода?

– Ничего, – говорю и смотрю в глаза.

– Я т-тоже так думаю, – она выдыхает и отворачивается. Точно

радуется, что можно закончит разговор, что ничем важным заниматься не придётся.

– Скоро это всё закончится, Галина Витальевна.

– Что – всё? А, тт-ты о выпускном... Но и п-после выпускного надо как-то жить, а как ты будешь жить, если...

– Я ничего не сделала.

– Знаю, знаю! Просто хотела попросить – ну, ск-кажи папе, что, если мама устала или болеет, то м-можно и ему на собрание прийти, ничего страшного – мы не задержим надолго. Но какие-то вещи надо обсудить...

– Галина Витальевна, – я отхожу от неё, – уже звонок был, на алгебру нужно...

– У вас же иностранный, – она наклоняется над столом – там под стеклом расписание, – иди, к-конечно. Только не обращай внимания, если мальчики скажут...

Поднимаюсь на второй этаж, где ещё сорок пять минут сидеть и молчать на немецком.

Валючки-сучки нигде нет. У неё тоже не всё хорошо, но Галина Витальевна с ней не разговаривает.

*

– Как это – снимет комнату? Где? – мы идём с мамой в парикмахерскую. Она хочет подкрасить корни, а я – мне неудобно и хочется разговаривать, а Вера на дачу уехала.

Валя не пишет.

Неловко, что я видела её мать, пакеты эти. Да что до её матери. Я бы забыла.

Мама пожимает плечами.

– Мне-то какая разница – где. Со школой рядом, наверное, чтобы не ходить далеко.

– Это ты его попросила? Или сам решил?

Представляю себе эту комнату.

Чтобы папа, привыкший к овсянке на молоке в маленьком ковшике, к квартире без пыли, к выстиранным чехлам на стульях, белье на балконе – к чужим, что от безденежья сдают комнатушку в бабушкиной «трёшке», из которой никак не выветрится запах её

духов?

Мой папа?

— Мам, вы совсем уже?

— Ты о чём? — она тоже останавливается. Тополь над нами — зеленый уже, зеленеющий, яркий.

— Он в этой квартире двадцать лет живёт.

— Двадцать пять.

Восемь лет без меня жили. Не получалось ли, или есть что-то такое, чего не знаю и не спрашивала никогда?

— Он сам решил?

— А кто. Не выгоняла, — мама отворачивается, чтобы не плакать. Квартира моя и мамина.

Возьму книжки и зубную щётку, говорил папа, когда они ссорились. А теперь что заберёт? Стулья носили по очереди от подъезда — грузчики магазинные привезли и выгрузили. Папа один хотел носить, да мы не дали. Втроём быстрее — так и управились, а потом чай пошли пить.

Нам теперь много стульев.

— Денег не хватит, — говорю.

— Ничего, он дешёвую нашел, — мама открывает дверь парикмахерской и плачет. Там я жду, а она садится в кресло, объясняет парикмахерше — мол, спереди подлиннее оставьте, чтобы к лицу. А затылок можно коротко.

Наблюдаю в зеркало — и не видно никому, что плачет, а только мне.

*

Я иду к папе, в его новую квартиру. В комнату. Но ведь не говорят, что иду в комнату, всегда думая, что комната находится где-то. А я хожу, чтобы папина была нигде, чтобы ни грязных матрасов в коридоре, ни пластмассовых коричневых этажерок с грязной обувью, ни саночек, ни деревянных лыж с раскуроченными креплениями, ни пятилитровых банок, ни тряпок.

А потом ещё Нина придёт, и разденется, и грудь её будет белой и большой, с какими-то тёмными пятнышками.

Я звоню в дверь.

Нины здесь нет.

Здесь даже супом не пахнет.

Папа открывает и не удивляется.

– Думала, искать буду долго.

– Что тут искать, – папа делает шаг назад, в прихожую, – на улице семь домов.

– Никогда не была здесь, возле парка.

В прихожей вешалка с тяжёлыми зимними вещами.

– Да ладно тебе, гуляли. Проходи.

Наклоняюсь и хочу расшнуровать кеды.

– Зачем, – папа машет рукой, – у меня разуешься. Здесь так ходят.

Иду за папой в его комнату. На кухне сидят люди, но мы не здороваемся. Это правда ничего? Хотели быть вежливыми, двери придерживали, если следом в подъезд входил кто. Представлялись первыми, когда звонили. И даже когда Бубля орала, нужно было слушать, потому что ей пятьдесят, а я неважная, маленькая. И теперь даже.

В его комнате старая мебель. Кажется, раньше это была просто маленькая комната, в которой жили дети. И их отправляли, когда нужно было делать уроки или спать идти – а ну дуй в маленькую комнату, не мельтеши тут. И дети шли.

Оттого и мебель осталась такая, будто тут всегда жили. Он не покупал, а всё было – платяной шкаф, письменный стол, диван. Белье собрано. Осматриваюсь – и ловлю себя на мысли, что ожидаю её увидеть, ту девочку. Её нет, конечно – живёт с родителями и, может быть, не знает о комнате, не догадывается.

– Садись, – он выдвигает стул. Красная обивка с жирными пятнами, но стараюсь не замечать.

Сажусь, а потом вспоминаю – ой, тетрадку забыла. Возвращаюсь в прихожую, а там пакет оставила.

– Вот, тетрадка и бумаги в папке, которые ты просил. Мама ничего не выкинула.

Сказала и пожалела – зачем было про маму?

Конечно, не выкинула. Она и пыль с книжек вытирает.

– Спасибо. Я бы зашёл, но потом, позже. Сейчас конец года, сама понимаешь, навесили всего. И для методобъединения работы

невпроворот. Расплююсь – приду, там ещё книжки есть, нужны... Не тебе же тащить.

А сам на работу мимо нашего дома ходит – все-таки не нашёл квартиры ближе, никто не сдаёт. Только здесь, возле платформы и парка, а самая короткая дорога к школе как раз по нашей улице и идёт. Хоть бы остановился, посмотрел.

Мама-то выглядывала, я видела.

Но думаю так – если бы ему на самом деле не хотелось останавливаться и смотреть, но неужели бы не нашёл другой дороги, узенькой тропки в обход?

– Да что мы всё про меня. Работа-то она всегда была. Скажи лучше – как сама? Как пение твоё? Как ЕГЭ?

– Русский написала. Не знаю пока, не хочу думать... Русичка сказала, что надо было чаще домашку делать.

– Надо было.

– А ей не надо было ногти красить.

– Когда, на уроке?

– Ага.

– Да ладно тебе. Пускай красит, кому от этого плохо. Тоже хочет быть красивой, как вы.

Как мы – кто?

Как Оля, наверное. У неё в пятом классе уже были малиновые губы и грудь большая – она специально в магазине блузки большие, на взрослых женщин, покупала.

Да мне не жалко. Пусть красит.

– Пап, тут девочка есть, – говорю.

– У всех девочка, – папа щёлкает кнопкой электрического чайника «Tefal».

Так и не рассказала ему про Валючку-сучку; ничего важного, получается.

*

И не задерживалась вроде, а темнеет. Я ищу кеды в грудке обуви.

– С этими ничего, ладишь? – киваю в сторону кухни. Вроде притихли, разошлись по комнатам.

Папа улыбается.

На нём рубашка синяя, в которой на работу ходит, брюки мятые. Иду по улице Леднева – по сторонам смотрю, потому что страшно. И сейчас, к лету, многие просто сидят на бордюрах и поломанных скамейках, без пива даже сидят, а просто смотрят, взглядами провожают, иногда смеются. Могут спросить что-нибудь, но это если остановишься, посмотришь. А я не смотрю, иду быстро, будто спешу, хотя уроки не делаю уже несколько лет. Никто не замечает, кроме русички. Наверное, поэтому папе всё равно, что она ногти на уроке красит – ведь без неё мы ЕГЭ бы никогда не сдали, никогда.

– Мелкая нахуй, – бормочет парень на лавочке. Он в майке, хотя ветер. Другие тоже в майках, в спортивных кофтах. А один даже в кожаной куртке – рукава закатал, – ты куда?

Только не останавливаться.

Папа провожать не пошёл.

Наверное, не хочет комнату вот так оставлять – одно дело в будние, когда всем на работу, хотя и не все ходят. А другое – вот так, под выходные. Воровать не будут, конечно, но откроют, посмотрят. А он уже рубашки на полки положил, учебники, два блока сигарет.

– Эй, погоди, – пытается приподняться, но не выходит, – мелкая! Я тебя видел.

Или кажется.

Никто меня не видел.

Где он мог видеть, в школе?

Но он большой уже, не школьник. Усы растут чёрные, да и пьяный слишком. У нас ребята напивались, но не на улице. Это наш район, здесь учителя живут. А мы из хорошей школы, и нам не то чтобы страшно, но неловко.

Может быть, это брат Валючки-сучки, который ждал, её жалобы пять лет выслушивал. По фотографиям узнал, как мы выглядим, как выглядит наш класс.

Бегу, до подъезда бегу, только там перевожу дыхание.

Мама почему-то не злая, не встревоженная. Книжку читает.

Поднимает глаза на меня – Вик, а тебе платье пришло.

– Какое платье? – удивляюсь, а потом вспоминаю, что и на самом деле пару месяцев назад заказали платье по почтовому каталогу,

а оно всё не приходило и не приходило, поэтому уже и думала – а в чём поеду, не в поезде, понятно, и не гулять, чтобы на экзамен, чтобы к экзамену, чтобы подходило.

– Вон, – мама показывает. На разобранном диване лежит. Голубое, выглаженное.

– Ого. Это ты?..

– А кто. Помятым немного забрала, в таком пакете... Решила попробовать, легко ли гладить будет – ткань, понимаешь, такая, не поняла я, что за ткань – и увлеклась, не заметила. Ну зато выглядит. Пример.

Я стаскиваю через голову свитер и рубашку. Натягиваю платье. Поднимаю на маму взгляд.

– Мда. Ну ничего.

– Как ничего, ты посмотри только!..

Мама подходит ближе.

– Ну длинное. В поясе великовато, но что уж... Отнесём в ателье. Они подгонят.

Иду в коридор и рассматриваю себя в тёмное зеркало. Повесили давным-давно, а лампа далеко; и тусклая. Поэтому подхожу близко, нахожу себя, потом отступаю, чтобы разглядеть.

Голубое, длинное. Кружева метут пол.

Наверное, впервые надела такое длинное – и непривычна себе, как будто становлюсь похожей на Анну Николаевну, чего не хочу, чего боюсь.

– Ты такая красивая, взрослая, – говорит мама.

А я не хочу.

– Какая красивая, по полу подол волочится.

Мама говорит, что сейчас ужин приготовит и не спрашивает про папу.

Какая комната, могла бы спросить.

Убирается там?

А кто ему еду готовит? (Этого бы не спросила никогда)

Говорил ли про ту девочку?

Жалеет ли вообще?

Вспоминаю вешалку в коридоре, полную грязной зимней одежды.

Жалеет.

Мама уходит на кухню готовить, а я остаюсь в прихожей, перед

зеркалом.

Я некрасивая и невзрослая.

К чему платье длинное, голубое?

Кому буду петь На заре ты её не буди?

Сама не верю, что смогу. Не хочу пучка на голове и ниточки жемчуга, и платья тоже не хочу.

*

Через месяц стою на вокзале, и меня провожают мама и папа, и Анна Николаевна, и Валючка-сучка, и Вера, и Алина Гурьянова, девочка, уже закончившая одиннадцатый класс.

Куда она поедет поступать? Поедет ли?

Платье голубое, перешитое в ателье, лежит в новой сумке.

Пока, папа!

Пока, Алина Гурьянова! Поезд смял дома и вывески, поехал медленно сквозь город, а потом по железнодорожному мосту через реку – я смотрю в правые окна, в которых вода отблескивает, облака горят, стоят недвижимо краны Судостроительного завода, глубоко вкопанные в землю стоят; им долго ещё.

Об авторе: АЛЕКСАНДРА ШАЛАШОВА

Поэт, прозаик. Родилась в Череповце, живёт в Самаре. Выпускница Литературного института им. Горького, творческий семинар А.Е.Рекемчука (проза). Публиковалась в журналах «Сибирские огни», «Номо legens», «Цирк «Олимп»+TV», «Дон», «Южный остров» и др. Второе место премии «Лицей» в поэтической номинации в 2019 г., первое – в 2020 г. Участник Сопешания молодых писателей при Союзе писателей Москвы, Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья в Ульяновске в 2019 г. Солистка молодой московской рок-группы «МореЖдёт» Некауаlar